

Илья Баксаляр

Всадники апокалипсиса
Сальвадора Дали

Илья Баксаляр

Всадники апокалипсиса
Сальвадора Дали

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Баксаляр И.

Всадники апокалипсиса Сальвадора Дали / И. Баксаляр —
«ЛитРес: Самиздат», 2017

Роман Ильи Баксаляра «Всадники апокалипсиса Сальвадора Дали» проливает свет на тайны гениальности Сальвадора Дали, остававшиеся неразгаданными многие годы. Маленький мальчик поздним вечером, когда спали родители, заглядывает в запретную комнату. Он прекрасно понимает, что туда входить категорически запрещено. Преодолевая страх, он нарушает запрет и находит нечто такое, что окажет огромное влияние на всю его жизнь. Мальчик вырос, стал успешным человеком и известным художником, покори́л мир. Но тайна, которую он обнаружил в детстве, создала в голове художника свой мир - очень сложный, страшный и непонятный большинству людей, которые его окружали.

Содержание

Отзыв	5
От автора	6
Другие книги автора	7
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	24
Глава 8	26
Глава 9	28
Глава 10	30
Глава 11	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

ОТЗЫВ

Лилия Маслова, литературный редактор

Можно ли сказать что-то новое о биографии и творчестве гениального Сальвадора Дали? Казалось бы, каждый день его жизни изучен вплоть до минуты, а картины рассмотрены самым тщательным образом, да и сам он оставил потомкам автобиографию. Однако его мистическое, абсурдное, грандиозное, неординарное, иррациональное творчество продолжает будоражить умы современников. Пример тому – новый роман Ильи Баксаляра «Всадники апокалипсиса Сальвадора Дали». Автор предлагает читателю прочувствовать этот фантастический, сказочный мир за гранью реальности. Именно почувствовать, отбросив все рациональное, ведь, как заявляет в романе Дали: «Мы не должны видеть! Мы должны чувствовать!» И вот мы вместе с маленьким Сальваторе рассматриваем странную книгу в кабинете отца, которая изменит всю его жизнь; тяжело переживаем смерть матери и знакомимся с поэтом Лоркой и музой Галой; присутствуем в момент создания Дали гениальных картин, слышим его мысли и становимся свидетелями мучительных сомнений. Мы словно второе «Я» художника, которое проживает и чувствует эту жизнь вместе с ним. Поэтому нам так дороги костыли и утесы на его картинах, и мы боимся самого последнего из всадников апокалипсиса – посланника смерти. Мы проникаем в самое сердце вселенной Дали и ощущаем удивительную хрупкость мира реального сюрреалиста.

От автора

Чем интересен Сальвадор Дали? Я длительное время думал над этим вопросом. Почему миллионы людей подолгу смотрят его холсты и пытаются понять зашифрованные послания всем нам. Изучая многие годы картины Дали, в один прекрасный миг я понял секрет этого гениального мастера. Все о чем говорит художник – это не его тайна. Это наши скрытые ужасы, наши спрятанные в глубине души самые заветные грёзы. Мы мечемся между страхами и мечтаниями в поисках своего пути в жизни. Все, что мы хотим понять в самих себе, объясняет Сальвадор Дали через свои картины. Но мир любит тайны и секреты, без них жизнь людей была бы скучной и однообразной. Книга всадники апокалипсиса Сальвадора Дали это попытка поднять занавес секретности великого испанского художника, а заодно и лучше понять скрытые тайники нашего сознания.

Другие книги автора

Бурани для Амина. Трилогия. Возня у трона.

Харизостан.

Спасти Советский Союз.

Тайны кривых зеркал.

Последний романтик Европы. Трилогия. Испания в огне.

Мировая революция.

Глава 1

Задыхающийся от хохота мужчина ворвался в комнату Галы. Слезы выступили на его глазах. Казалось, еще немного – и он умрет от спазмов в животе.

– Моя дорогая, ты знаешь, с кем я сегодня встречался?! – сквозь смех выдавил он из себя, и его опять сразил приступ веселья.

– И с кем же? – удивилась женщина.

– С твоим земляком из России!

– Из России? – ее изящные изогнутые брови приподнялись от удивления. – И что тебя так насмешило?

– Насмешило? – новый бурный поток потехи накрыл испанца. – У вас в России все такие? – он схватился за живот, упал на диван и стал кататься по нему.

– Но, Сальваторе, что случилось? Почему ты веселишься? Чем тебя так рассмешил мой земляк? – мягко поинтересовалась женщина, заинтригованная поведением мужа.

– Этот русский! Охо-хо. Этот русский! – попытался он продолжить, но опять залился безудержным хохотом.

Она подождала немного, пока он успокоится.

– Так что же этот русский?

– Кто-то пригласил его к нам на виллу... – и вновь волна хохота не дала ему закончить предложение, и он схватился за живот. – Этот русский просидел на вилле три часа, пока я обдумывал, как к нему подобающе выйти. Вдруг он вскочил, засуетился и стал метаться по дому... – и хохот, на этот раз не такой безумный, опять оборвал слова испанца.

– Ну и что было дальше? – поторопила женщина. – Может быть, ему приспичило?

– Угадала! – сквозь безудержный смех продолжил мужчина. – Короче, твой русский не нашел туалета.

– И ты не показал ему, где туалетная комната?

– Я хотел. Но он успел сходить по-маленькому в твою любимую вазу. В ту, что стоит в углу залы.

– Опять этот твой номер! – возмутилась женщина. – Постой-ка, – спохватилась она, – а этот русский случайно не композитор Хачатурян?

– Он! Он!

– Так это же я пригласила этого великого композитора из Советского Союза. Говорят, он уникальный человек. А ты знаешь, что он самый популярный в мире музыкант?

– Ну и что с того? Этот самый популярный музыкант мира от души напрудил в твою вазочку!

– Сальвадор, ты опять за свое. Опять издеваешься над людьми.

– Нет-нет, ты что! Я знаю, знаю, что он талантливый композитор. Я слышал его музыку из балета «Гаянэ». Но не мог же я войти в дом и просто поздороваться: «Здравствуйте, дорогой Арам!» Он бы просто разочаровался во мне.

Женщина начинала терять терпение, и ее лицо приобрело сосредоточенный вид, сейчас она напоминала терпеливую мать, которая хочет серьезно пообщаться с разбаловавшимся чадом.

– Нельзя так поступать с мировыми известностями, Сальвадор. Ты хоть извинения принес?

– Конечно! – и мужчина опять неистово расхохотался. – Я пролетел перед ним голым на швабре!

– Что? – она пыталась изобразить возмущение, но описываемая картина, как перед маститым русским композитором пролетает на швабре ее абсолютно голый муж, вызвала в ней взрыв хохота. Так от души они не смеялись уже давно.

Глава 2

Сальвадор родился в обеспеченной семье. Его старший брат умер в возрасте трех лет до рождения Сальвадора, и всю свою теплоту и доброту родители отдали младшему сыну, который стал самой большой ценностью в семье, почти Богом. Родители сильно переживали страшную потерю первого ребенка, но рождение Сальвадора помогло сгладить следы этой трагедии. Самое удивительное, что он как две капли воды был похож на своего умершего брата.

Сальвадору дома позволялось все, кроме одного: родители категорически запрещали ребенку заходить на кухню, где работницы готовили еду. «Ну что же, запрещаете? – решил малыш. – Тогда держитесь!» И Сальвадор приступил к взятию неприступного бастиона.

До обеда было еще далеко, а вкусные запахи уже доносились с кухни и разжигали аппетит. И вот юный боец спрятался за углом комнаты. Не успела кухарка выйти из своей крепости-кухни, как Сальвадор стремительно промчался в запретную зону. Он ловко юркнул на кухню, быстро осмотрелся и решил нанести свой первый удар по кусочку сыра. Он падет первой жертвой его стремительной атаки. Мальчик прокрадывается к столу, где лежит его заветная цель. Еще мгновение... И вдруг как из-под земли вырастает огромная туша кухарки. Сальвадор чувствует, как ее крепкие пальцы хватают его за ухо. И вот его с позором выпроваживают с поля боя. Он повержен и изгнан с заветной кухни, а кусок сыра, который так манил ребенка, остался красоваться на столе.

«Ладно, держитесь у меня!» – и мальчик, выждав удобный момент, стремительно вбегает обратно в кухню, хватая кусок сыра и, спасаясь от погони, удирает в свою комнату. Кухарка пытается его догнать, но детская комната – это недоступная для нее территория, и, потоптавшись на месте, она грузно возвращается в свои владения. Сальвадор переводит дыхание и издает свой победный клич «Йя!». Теперь сыр его, нападение было успешным, правда, горело ухо, но это все мелочи по сравнению с той добычей, которую он достал в условиях жестоких боевых действий и реальных угроз со стороны противника.

На кухне работали две кухарки, и они обе были готовы к любой атаке маленького авантюриста. Впрочем, они были бы не против заключить с ним перемирие даже на его условиях, лишь бы эта маленькая бестия отстала от них. Но отец Сальвадора категорически запретил нарушать территориальную целостность кухни и выдал кухаркам бессрочный мандат на борьбу с нарушителем. И женщины, готовя обед или ужин, все время озирались по сторонам: не зашел ли этот маленький чертенок на их территорию?

Однажды к пришедшему с работы отцу, который не успел опомниться, вихрем подбежал мальчуган и бросился на шею.

– Папа, ты знаешь, кем я решил стать, когда стану взрослым?

– И кем же?

– Буду поваром! И вся кухня будет моей! – безапелляционно заявил малыш. – А кухарок я выгоню, буду сам все готовить.

Отец разразился хохотом.

– Хорошо, сынок! Будешь поваром, когда подрастешь! А пока позволь кухаркам работать на своем месте!

– Но папа! – решительно заявил сын. – Я готов приступить к работе хоть сейчас!

– Хорошо, сынок, – ответил отец, смеясь, – но на ужин нам пусть пока приготовят еду наши кухарки.

– Ладно, папа, – снисходительно заявил Сальвадор, – пусть пока остаются, но завтра хозяином кухни буду я.

Так они разговаривали с отцом каждый вечер, однако наутро поступала новая вводная, что кухня остается запретной зоной. Такие долгие переговоры с отцом продолжались почти

год. Наконец, терпение Сальвадора иссякло, и он категорически заявил, что поваром больше не будет. Не успел вздох облегчения прокатиться по дому, как юное создание заявило: «С сегодняшнего дня я буду великим полководцем, я – Наполеон!» Теперь уже смеялись все: отец и мать вместе с кухарками и прислугой, стоявшими в дверях. Мальчуган озорно натянул взятую откуда-то треуголку и вытащил детскую шпагу.

– Я великий полководец Луи Бонапарт Наполеон! Объявляю свой первый поход! – и он хитро посмотрел на кухарок.

– Ладно, Сальвадор, хватит уже, садись есть! – мама усадила мальчика за стол.

С этого дня жизнь кухарок превратилась в кромешный ад. Маленький Наполеон организовывал одну военную экспедицию за другой. Когда кухарки чистили картошку или раздвигали мясо, незаметно открывалась дверь и в кухню с саблей наперевес вбегал Сальвадор с криками «Ура!». Бедные женщины еле успевали увернуться от игрушечной шпаги и, применяя попавшую под руку кухонную утварь, бросались на грозного полководца, изгоняя его со своей земли. Каждая такая битва требовала от кухарок много усилий, так как юный полководец юрко нырял под стол и проскальзывал под стульями. Закончив битву, они закрывали кухонную дверь, предусмотрительно подперев ее шваброй. Уставшие, садились, тяжело пыхтя от страшного сражения с вероломным противником.

Вечером кухарки жаловались хозяину дома:

– Ваш сынишка не дает нам работать, скажите хоть вы ему, что кухня не место для игр!

Он слушал жалобы женщин и смеялся.

– Значит, наш Наполеон не может взять неприступный бастион! Не обижайтесь, мои дорогие, он же ребенок!

– Ребенок? Как же, ребенок! Мы больше так работать не можем и будем увольняться! – в их глазах светились обида и решительность.

– Ладно-ладно! Ну потерпите немного, он же еще маленький! Я увеличу вам жалованье.

Они еще долго ворчали, но дополнительные деньги были самым веским аргументом в пользу их благотерпения. Теперь кухарки стали не просто поварами, а превратились в воинов испанской армии, постоянно отражавших вероломные атаки великого полководца и авантюриста Сальвадора Наполеона. И хотя сражения шли с переменным успехом, исход был неизменен – выдворение доблестного Сальвадора. Правда, изгнанный юный полководец уходил не только с прилично накрученным ухом, но иногда и с кусочком ветчины, сыра, яблока, а то и булочки. Часто, поверженный, он уныло брел в свою комнату, вновь строя планы нападения на грозного противника.

Боевые действия продолжались еще какое-то время, пока Сальвадор Наполеон не перебросил свои войска на новое поле битвы. Его младшей сестренке было всего три годика, когда родители пригласили своего семейного доктора, чтобы проколоть ей уши и вставить золотые серьги. Доктору было около семидесяти, он всегда был пунктуален и пришел ровно в десять часов. Доктор аккуратно усадил девочку на стул, достал из своего чемоданчика прибор для прокалывания ушей и уже поднес его к уху малышки, как в комнату с яростным криком «Не дам убивать сестренку!» ворвался Сальвадор. Как гениальный стратег маленький Наполеон понял, что война должна быть короткой и победоносной, а затяжные сражения неэффективны и очень быстро надоедают, особенно с этими упрямыми кухарками. Теперь весь свой полководческий талант он обрушил на доброго престарелого врача. В руках у Сальвадора была пушистая щеточка для уборки пыли, с которой он и бросился атаковать противника. От изумления старый доктор уронил прибор для прокалывания ушей. Мальчик ловко воспользовался его замешательством и с огромным удовольствием атаковал старика, нанося поражающие удары в лицо. Доктор вскочил. Лицо его горело от укулов острого конца щетки.

– Я пришел проколоть уши Вашей сестренке. Зачем Вы нападаете?

– Не смей трогать мою сестру! – завопил в ответ маленький Наполеон и опять набросился на доктора.

На шум прибежал отец. Его взгляду открылась картина великого сражения: уважаемый доктор старается уклониться, а ловкий Сальвадор в очередной раз нападает на старика и пытается уколоть его лицо. Отец сразу же подбежал к полководцу и заслонил доктора.

– Сальвадор, доктор Хуан – наш большой друг, и некрасиво с твоей стороны нападать на человека, который делает нам столько добра.

Но Наполеон вновь взмахнул своей пушистой щеткой и, точно великий воин, уже хотел добить пораженного дракона. Вдруг мальчику стало жаль этого доброго врача. Он мгновенно отбросил в сторону щетку, подбежал к сестренке, поцеловал ее и быстро ретировался. Ему вдруг захотелось загладить свою вину перед отзывчивым старичком, который так прилежно заботился о всей его семье. Некоторое время он долго ломал голову, что же предпринять такого, и наконец решил напиться ледяной воды.

На следующий день Сальвадор свалился с высокой температурой. Он лежал в своей кровати, когда мать подошла к нему и заботливо потрогала лоб.

– Да ты просто горишь! – воскликнула она и бросилась звонить врачу.

Вскоре явился долгожданный доктор, он вымыл руки и прошел в комнату юного полководца. Сальвадор лежал в кровати, все тело горело, а горло словно перехватило горячими щипцами, голова кружилась, и дикая слабость забирала остатки энергии молодого Наполеона.

– Ну что, юный хулиган, Вы никак заболели?

Сальвадор посмотрел мутным взглядом на врача.

– Извините, доктор! – пробормотал он. Ему нравилось, что теперь доктор заботится о нем, мерит температуру, смотрит горло, слушает дыхание. Как хорошо болеть! Ты сразу попадаешь в центр внимания! И это делает тот самый доктор, который в прошлый раз был очень обижен, а теперь участливо заботится о нем. Врач выписал лекарства и, мягко похлопав Сальвадора по плечу, тепло сказал:

– Поправляйся, юный хулиган.

Что еще нужно было юному Наполеону, сраженному тяжелой болезнью? Только видеть, как у изголовья кровати великого полководца склонили свои головы врачи и домочадцы в ожидании его выздоровления.

Сальвадор быстро поправлялся, ему оставалось отлежаться несколько дней, когда ночью он проснулся и увидел слабый свет, проникающий из приоткрытой двери его комнаты. Мальчик ощущал, что уже была глубокая ночь, но дух великого полководца рвался вперед навстречу новым сражениям, тем более что этот таинственный поздний свет так и манил к себе. Он вышел из своей комнаты. В доме все спали, только полоска света из кабинета отца в конце коридора освещала темноту. Кабинет был святая святых для главы семейства, и посетителей здесь не жаловали. Но на этот раз это не остановило юного полководца, решившегося на разведывательный маневр. Он осторожно прокрался на цыпочках к запретной комнате и приоткрыл дверь. Ему вдруг стало страшно, когда он представил, как папа будет ругаться, но, вспомнив о перенесенной болезни, мальчик хитро улыбнулся. Папа будет снисходителен к нему.

Сальвадор вошел в кабинет. В нем никого не было. Видимо, отец забыл выключить свет и закрыть дверь. Надо было возвращаться в свою комнату, однако любопытство взяло верх. Мальчик огляделся по сторонам. Комната была отделана красным деревом, красивый резной потолок, небольшая люстра зеленого цвета, массивные шкафы из дорогих пород древесины, огромное количество книг в кожаных переплетах с красивыми золотыми буквами в шкафах и на полках. Посреди кабинета стоял большой письменный стол с темно-зеленым сукном, рядом располагалось величественное резное кресло. В углу стоял кожаный диван темно-коричневого цвета. Все говорило о солидности и значимости этого помещения, и мальчик уже хотел уходить, но его взгляд упал на большую книгу, небрежно лежавшую на столе. Она привлекла его

внимание еще и тем, что это была единственная книга на столе, к тому же открытая. Сальвадор понимал, что нельзя без разрешения входить в кабинет отца, а тем более брать и смотреть книгу, но авантюризм взял верх над страхами. Он подошел к столу, взял книгу и сел на диван. Если бы он только знал, как повлияет на его жизнь и творчество содержание этой книги, он бы, наверное, не только не взглянул на нее, но и держался бы от кабинета отца на почтительном расстоянии.

Глава 3

Пришло время идти в школу. Мальчик простился со всеми своими образами великих полководцев и отдельно распрощался с Наполеоном. Начались учебные будни. Шли дни, недели, месяцы. Закончился первый год, за ним второй, а потом третий. Мальчик подрос, он уже не гонял по дому несчастных кухарок и всегда приветливо встречал семейного врача, которому было уже далеко за семьдесят. Но дух величия в нем не пропал.

– Мама, ты знаешь, что я родился великим человеком? – часто заявлял он дома.

– Конечно, Сальвадор! Ты будешь великим! – отвечала мать.

– Хм! Что значит буду? – озадачивался мальчуган. – Я уже сейчас великий и непревзойденный!

Мать удивлялась, даже иногда расстраивалась:

– Дорогой, у сына чересчур завышенное самомнение, как бы это потом не переросло в шизофрению? – делилась она своими сомнениями с мужем, на что тот всегда отвечал, ласково обнимая ее:

– Любимая, а что, наш сын действительно великий!

В школе Сальвадор был просто невыносим. Он постоянно спорил с учителями и был главным организатором всех беспорядков. Великий Наполеон вдруг превратился в Робеспьера, готового отправить на гильотину любого, кто не придерживался Хартии справедливости. Доказывая свою правоту, он вступал в яростную перепалку с любым учителем, вне зависимости от возраста и опыта последнего. И когда педагог пытался жестко осадить зарвавшегося ученика и закончить эту своеобразную дискуссию, которая ставила его в столь неловкое положение, в этот самый момент происходила Великая французская революция. Сальвадор вскакивал на стул и начинал декларировать свои лозунги приверженности всеобщим ценностям человечества. А учителю оставалось только в недоумении стоять у своего стола, не понимая, как поступать дальше. Придя в себя, педагог бросал все свои силы на подавление мятежа:

– Сальвадор, ну-ка сядь на место и закрой свой рот!

– Ах мне закрыть рот! – И тут дух свободы начинал еще яростнее заводить юного борца за справедливость. – Мне можно заткнуть рот! А как же свобода слова? Вы подавляете в детях всю инициативу и желание понять предмет глубже! Вы хотите раздавить в нас личность и превратить всех в послушный скот.

Сальвадор опять отправлял учителя в нокдаун, и тот от удивления лишался на некоторое время дара речи.

– Что ты такое говоришь?! Да как ты смеешь так разговаривать с учителем? – придя в себя, начинал кричать педагог.

Юный Робеспьер вновь вскакивал на стул, зовя всех свободолюбивых учеников на баррикады против жестокой диктатуры тиранов. Класс начинал громко кричать и шуметь, и в этой буре тонул голос учителя, всячески пытавшегося навести в классе порядок, а затем все в праведном гневе покидали помещение.

Так Сальвадор срывал уроки у многих учителей, которые потом шли жаловаться директору. Наверное, бунтаря отправили бы на остров Святой Елены, как и Наполеона, но отец Сальвадора был известным в городе нотариусом, и только поэтому все эти выходы сходили ему с рук. Но даже это обстоятельство не удержало директора от обращения к родителям Сальвадора с просьбой подыскать своему чаду другую школу.

В тринадцать лет отец записал сына в католический колледж, где под строгим надзором церковной братии юному бунтарю предстояло учиться много лет. Утром он ходил в церковь, а затем приступал к учебе. Консерватизм католической церкви не позволял бунтарскому духу Сальвадора выразиться. Он превратился в прилежного ученика. Казалось, наконец-то Сальва-

дор взялся за ум. Но от скуки, которая частенько одолевала юного бунтаря, не могли спасти ни хвала учителей, ни гордость отца за достижения сына.

В душе подросток оставался Наполеоном и великим бунтарем Робеспьером, жаждущим быть непревзойденным и необыкновенным, хотя железная дисциплина в колледже под прищипом братьев-иезуитов заставила на время умерить весь его бунтарский пыл. Но стремление выделиться продолжало кипеть внутри Сальвадора, пока в один прекрасный день не вырвалось наружу, как извержение вулкана. Во время перемены, как обычно, все спускались на первый этаж. Толпа ребят шла по длинной лестнице, когда сзади раздался чей-то голос.

– Эй, а вам слабо прыгнуть через эту лестницу?

На миг все застыли, воцарилась тишина. Все обернулись назад и увидели Сальвадора, который стоял в начале лестницы.

– Ты что, с ума сошел?! – выкрикнул кто-то из еще не пришедших в себя от такого вопроса ребят.

– Так вы, значит, трусы! Что, слабо перепрыгнуть?

Кто-то хихикнул, некоторые начали разворачиваться, чтобы продолжить путь, кто-то не успел еще все обдумать, как вдруг Сальвадор отошел назад, разбежался что было силы и рванул вперед с криком: «А ну разойдись!». Он прыгнул очень далеко, перелетел почти через всех ребят, которые от изумления открыли рты, но этого было явно недостаточно, чтобы перепрыгнуть всю лестницу, и он с грохотом обрушился вниз и кубарем скатился по лестнице, пересчитывая ребрами каждую ступеньку. Когда Сальвадор распластался внизу, все ученики собрались вокруг него затаив дыхание. Юный каскадер попытался встать, но все его тело ныло, из-за сильной боли у него получилось только с трудом сесть на пол. Ребята подхватили его и поволокли в кабинет врача, откуда он был переведен в больницу. Триумф Сальвадора наступил в тот момент, когда почти весь класс появился на пороге его палаты в больнице. Мальчик был на седьмом небе от счастья. Столько внимания! Он был действительно избранным!

Не успели его выписать из больницы, как тут же положили обратно после очередного прыжка с лестницы. И вновь друзья всем классом приходили его проведать. И вновь счастью Сальвадора не было предела. Наверное, все закончилось бы плачевно и он бы когда-нибудь свернул себе шею, если бы случай не свел юного гения с учителем рисования. Сальвадор сидел на уроке рисования и, как всегда, скучал: «Сегодня я попробую перепрыгнуть эту чертову лестницу! Прямо после урока». Он представлял, как будет прыгать, как вдруг голос учителя рисования прервал его мысли.

– Молодой человек, что вы думаете об этой картине? – Хуан Фернандес застал юного авантюриста врасплох.

– Эмм... Ну... Простите, учитель, что вы имели в виду?

– Я спросил вас, как вы оцениваете эту картину. Подойдите к доске и внимательно посмотрите на копию полотна Веласкеса «Поцелуй Иуды».

Взору Сальвадора предстал Иисус Христос в Гефсиманском саду вместе с его самым любимым учеником Иудой. Взгляд Христа был теплым, хотя он уже знал о предстоящей мучительной смерти. Иуда обнимал своего учителя, но в его глазах светились страх и коварство.

– Учитель! – лицо Сальвадора изменилось. Тонкие брови немного нахмурились, между ними на чувственном лбе появилась морщинка, а во взгляде вспыхнули пронзительность и блеск боли. – Посмотрите на глаза Иуды, по ним сразу видно, что он замышляет что-то неладное. Неужели Иисус не видит этого? – Сальвадор был крайне возбужден.

Наблюдая за учеником, Хуан Фернандес был ошеломлен его чувствительностью.

– Иисус знал, что с поцелуя предателя начнется его мученический путь на Голгофу, и был к этому готов.

– Но почему Иисус ничего не предпринимает, чтобы спастись! – в голосе Сальвадора звучала неподдельная боль.

– Христос знает, что изменить ничего не получится, это его судьба – нести весь грех человечества на себе и умереть мученической смертью во имя всего человечества! Он готов к этому! Посмотрите, ребята, на глаза Иисуса, – обратился Хуан Фернандес ко всем ученикам, – в них тлеет тепло, хотя он знает, что его предаст самый близкий друг и что впереди страшный путь жестоких страданий и мученической смерти. Этот взгляд говорит только об одном: Иисус готов пожертвовать собой ради людей и даже готов простить предавшего его ученика и друга во имя светлого будущего человечества.

Слова учителя потрясли юного Сальвадора. Он представил, что вместо Христа по узким улицам древнего Иерусалима с тяжелым крестом на спине идет он, как римские воины избивают его, а жители города проклинают, плюют в лицо и кидают камни. В страшных муках он бредет, не понимая, куда надо идти, римляне наносят ужасные удары по его телу хлыстами, камни, брошенные жителями города, рассекают все лицо и тело, а глаза залиты кровью и грязными плевками внезапно озверевших горожан. Вот он буквально доползает до места казни. С него снимают тяжелый груз, двое римлян сильными руками кладут его на крест, а третий палач вбивает в руки толстые ржавые гвозди. Дикая боль пронзает все тело, потом прибавляют ноги и в завершение всего надевают терновый венок, жесткие колючки которого вонзаются в голову, вызывая страшную боль и усиливая и так невыносимые страдания. Все это Сальвадор прочитал в глазах Иисуса. Юноша побледнел, а учитель рисования, прочитав мысли ученика, про себя отметил: «Как он умеет чувствовать живопись».

– Спасибо, Сальвадор, садитесь, пожалуйста.

С этого момента учитель стал уделять Сальвадору особое внимание, стараясь развить в нем умение видеть картины в своем уникальном ракурсе.

Хуан Фернандес Нуньеса был родом из Андалузии, южной провинции Испании с яркой и необычной природой. Он стал первым человеком, увидевшим в Сальвадоре незаурядные способности. Теперь Сальвадор забыл про рискованные прыжки через лестницу, его страстью стала живопись. Однажды, когда он сидел за мольбертом и рисовал очередную картину, его внезапно вызвали к директору. Когда недовольный Сальвадор постучался в дверь кабинета директора и вошел внутрь, он увидел отца, сидевшего с опущенной головой.

– Здравствуй, папа! Что-то случилось?

И Сальвадор все понял. Домой они ехали молча. В доме установилась какая-то зловещая тишина. В комнате на кровати лежала мать. Было ощущение, что она просто устала и прилегла отдохнуть.

– Мама! – подбежал к ней Сальвадор, слезы застлали его глаза, и большой горький ком застрял в горле. – Мама! Ну как же так?

Она молчала, юноша попытался ее обнять и укрыться в ее тепле, но от нее исходил ледяной холод, и только сейчас он начинал осознавать, что мамы больше нет. Что-то сломалось в его душе, хрупкий мост между детством и будущим разрушился, унеся с собой в глубокую пропасть все теплые и добрые ощущения, которые связывали его с матерью. И равнодушие, как черный скользкий спрут, расплзлось в его теперь уже пустом сосуде души.

После смерти матери Сальвадор стал просто невыносимым, мальчик презрительно относился ко многим учителям, и только в рисовании он находил успокоение. Обучаясь у Хуана Фернандеса, изучая картины Рембрандта и Веласкеса, Сальвадор писал свои первые полотна. В один прекрасный день отец собрал все картины юного художника и организовал его первую выставку в своем доме.

– Я же говорил, что Сальвадор – необычный мальчик! Он гений! – торжествовал отец, показывая друзьям и родственникам картины сына.

Однажды за завтраком отец спросил его:

– Кем ты планируешь стать?

– Пап, скорее всего, я стану художником! – ответил Сальвадор.

– Художником? И ты хочешь жить на деньги художника? Но, сынок, посмотри вокруг! Сколько их, этих рисовальщиков! И почти все сводят концы с концами.

– Но, папа, я не рисовальщик, я великий художник. Мои картины будут покупать все, они будут выставляться в лучших музеях мира, – поправил Сальвадор отца.

– Эх, сынок, сынок! Это же просто мечты. Поступай в университет на юриста и продолжи мое дело.

– Жить как ты? Нет! Это не мое. Я буду великим! Меня будет знать и почитать весь мир! А что твоя нотариальная контора? С утра до вечера только бумаги оформляй! Скучно и неинтересно! Я не хочу тратить на это свою жизнь!

Отец с удивлением посмотрел на отпрыска: «Да, мания величия у него зашкаливает, нотариусом не хочет быть».

Не прошло и двух лет после смерти матери, как отец успел жениться на ее сестре. Все это выглядело в глазах Сальвадора вероломством и предательством и вызвало в его душе разрушающую волну протеста, которая хлынула в колледж и вылилась в оскорбления и унижения учителей, бунты и протесты. Все эти занятия, экзамены, постоянное однообразие и замыленный взгляд на жизнь утомляли молодого Сальвадора. Со своей семьей он стал общаться редко, а от отца отдалялся все дальше и дальше, возводя Великую китайскую стену. Многие учителя в колледже попытались настоять на том, чтобы убрать неудобного ученика из их заведения. Но влияние и деньги отца позволили Сальвадору окончить колледж. Молодой человек получил аттестат и почувствовал себя свободным. Однако отец настоял на продолжении учебы в лучшем университете Испании в Мадриде. Когда юноша прощался с домом, старые теплые воспоминания охватили его. Он вспомнил и битвы на бастионах кухни, и доброго доктора, и прекрасную мать, которая сейчас смотрела на него с небес, и сестру, и отца, некогда очень близкого. Постаревшие кухарки, с которыми он когда-то так яростно сражался за кусок сыра, вышли провожать его. Сальвадор окинул все прощальным взглядом. Он уезжал в другой город, но для него это была другая планета, другой мир, где не было родного дома, друзей и милых кухарок, которых он искренне любил. Поезд уносил его вдаль, открывая новые горизонты жизни.

Глава 4

Богатство и роскошь, красивые и высокие здания, дорогие машины и модные горожане – Мадрид накатил на провинциального юношу своими каменными джунглями. Некогда великий Наполеон и Робеспьер, а ныне замкнутый и стеснительный Сальвадор поселился в резиденции студентов самого престижного в стране университета.

Отец не догадывался, что его сын вместо юридического поступил на факультет живописи. Только живопись пробуждала в юноше интерес к жизни, захватывая его огнем буйства красок, унося в далекий мир непредсказуемости и свободы, и спасала поверженного Наполеона, сосланного на далекий остров Святой Елены, от одиночества.

В университете все только и говорили об одном выдающемся жителе Андалузии, великом поэте, восходящей звезде Испании и всего мира – Федерико Гарсиа Лорке. Сальвадор был крайне заинтригован этим незнакомцем, который, будучи старше его всего на шесть лет, уже успел стать легендой.

В один из дней одиночество Сальвадора буквально втащило его в студенческий клуб, в котором проходила молодежная вечеринка. Зал клуба напоминал пчелиный рой, круживший тучками вокруг разных ульев: кто-то читал стихи, другие пели песни, третьи играли на музыкальных инструментах. Сальвадор прислонился к стене и стал с интересом наблюдать за веселящимися студентами. Как бы ему сейчас хотелось выйти в центр и заявить во весь голос: «Здравствуйте, друзья! Это я, великий Сальвадор Дали! Пришел сюда к вашей неопишуемой радости!» Вот молодой поэт останавливается на полуслове и, покидая своих слушателей, бросается к нему со словами: «Сальвадор, это ты!» и, не стесняясь никого, обнимает его со всей своей поэтической пылкостью. Рядом музыкант, увидев великого и несравненного художника, застывает перед роялем, его пальцы уже не способны произвести ни единого звука. «Друзья! – восклицает он. – Посмотрите, кто к нам пришел! Это же сам Дали!» И он тоже бросается в объятия художника, предварительно отодвинув поэта от своего божества. Толпа бросается вперед: «Посмотрите, это Дали! Там Дали! Господа, поспешите! Это же Дали!» И все окружают молодого человека, и каждый пытается протянуть к нему руку, обнять, да и просто дотронуться, чтобы потом всю жизнь рассказывать детям и внукам, что собственноручно дотрагивался до самого Дали. Но сейчас, в настоящей реальности, никто не обращал внимания на молодого человека, и он продолжал одиноко стоять в стороне с горькой мыслью, что он здесь просто никто.

Тяжело вздохнув, юноша развернулся, собираясь уходить, как вдруг кто-то дотронулся до его плеча.

– Здравствуй! Ты Сальвадор?

– Да!

Перед молодым художником стоял его ровесник.

– Давай знакомиться. Меня зовут Луис Бунюэль. Я учусь на режиссера. Я видел твои картины. Интересное у тебя восприятие мира и живописи.

– Дааа? Ты действительно видел мои картины? – протянул от удивления Дали.

– Да-да, в Барселоне, на выставке! Мне было интересно посмотреть на новый стиль!

– Это, наверное, мой отец организовал, – смутился юноша. – Но я рад знакомству с тобой, Луис! Так ты будешь снимать кино?

– Именно! – с горящими глазами отчеканил Бунюэль. – За кинематографом будущее! Увидишь, без кино люди не смогут жить.

Так они и познакомились и крепко подружились. Вместе обсуждали новые фильмы, картины Матисса и Пикассо, но чаще всего их разговоры касались молодого поэта Федерико Гарсиа Лорки. Дали только и думал об этом человеке: «Что это за личность, которого никто не

видел, но все только о нем и говорят? Наверное, это необычайный человек, своего рода Наполеон в поэзии».

Сальвадор опять улетал в иллюзии. Вот он гуляет по широкому проспекту, и навстречу ему идет великий поэт современности, звезда испанской литературы – сам поэт Лорка, вокруг него толпа поклонников и поклонниц, все стараются подойти поближе к национальному достоянию страны. И навстречу ему, великому поэту, как Наполеон, идет сам Дали. Лорка внезапно останавливается. «Боже мой! Кто передо мной? Это же великий Дали, друзья! – обращается он к своим поклонникам. – Посмотрите, кто перед нами. Это же Дали», – и, отрываясь от толпы, бросается вперед, чтобы первым обнять величайшего художника современности и потом написать много поэм в честь этого неотразимого человека. Так представлял себя Дали на фоне известного молодого поэта, которым начала восхищаться почти вся Испания.

По субботам Сальвадор вместе с Луисом часто посещал студенческий клуб, где всегда собиралось много народа. Девушки поглядывали на молодого красавца Дали. Он был выше среднего роста, худощавого телосложения с яркими и запоминающимися чертами лица. Но Сальвадор не обращал на них никакого внимания.

– Посмотри, друг! – вздрагивал Луис. – Вон та девушка! Как она тебе? Иди, познакомься! Что ты как рак-отшельник все шарахаешься от женщин?

Дали внимательно осматривал девушку.

– Ну что же, в кухарки я бы мог ее взять! Мне же нужна муза для более высокого, чем просто пофлиртовать.

– Ну и кто же тебе тогда нужен? Все девушки, с которыми я предлагаю тебе познакомиться, не подходят.

Дали глубоко вздыхал.

– Муза – это что-то необычное, воздушное и неземное! А твои девчонки, они, конечно, симпатичные, но обычные, и понятно, что им надо. А что всем женщинам надо? – и на его лице изобразилась гримаса брезгливости. Луис уже привык к причудам своего друга, и они продолжили искать подходящую компанию на вечер.

В один прекрасный день Дали и Бунюэль решили отдохнуть на берегу озера и насладиться теплым майским солнцем. Сальвадор лежал на раскладном стуле с закрытыми глазами и в полудреме представлял себя в роли Наполеона, который покорял заснеженную Россию. Перед ним расстилается Бородинское поле, впереди стоят русские редуты, и он посылает свои полки один за другим на смертельную битву, которая прославит его на века. Но русские не сдавались, и полководец взмахом посылал все новые и новые войска в бой в надежде побыстрее завершить великую битву. Вот русские дрогнули, и сейчас он опять вскинет руку, и его знаменитая кавалерия сметет оборону противника и сделает его имя бессмертным на века. Как вдруг чья-то рука нежно погладила его по вытянутой ноге. От неожиданности Сальвадор открыл глаза, и его взору предстала прекрасная молодая особа со стройной фигурой, пышным бюстом, симпатичным личиком, довершала картину соблазнительная кокетливая улыбка. Он попытался отстраниться, но девушка, наверное не привыкшая к отказам, попробовала обнять его за ноги, при этом весьма крепко схватившись за тело Дали. Это привело Сальвадора в бешенство, громко крича и топая ногами, он отталкивал назойливую даму, словно ядовитую змею, вцепившуюся в пятку. Когда ему наконец удалось оторвать от себя прилипчивую девушку, он с брезгливым видом кинулся наутек. Наблюдавший за происходящим Луис остался в полном недоумении.

Глава 5

Неделю спустя радостный Бунюэль прибежал к Дали.

– Слушай, мой друг, завтра в Мадрид приезжает Лорка. Он будет в доме моих друзей. Пойдешь со мной?

Сальвадор посмотрел на друга, и у него на душе стало немного печально. «Как он восторгается этим поэтом! Какие у него глаза при одном упоминании этого имени! И как буду выглядеть я в глазах других, когда все только и будут смотреть на этого Гарсию Лорку. Буду стоять в стороне, как обычная дворняга и никому ненужный человек».

– Нет, я не пойду, я не любитель поэзии и тем более не поклонник твоего Лорки.

– Ну давай пойдем! Тебе будет интересно! – упрасивал Луис.

– Нет! – отрезал Сальвадор.

– Хорошо! Ты можешь не ходить, но давай просто зайдем в гости, ты посмотришь на этого человека, и мы уйдем вместе! – Бунюэлю очень хотелось показать другу своего кумира, которого он, правда, еще ни разу не видел.

– Ладно! – не желая обижать товарища, согласился Дали.

Вечером они направились к друзьям Луиса в особняк в центре Мадрида, где собралась вся столичная богема. Они шли по ухоженной вымощенной булыжником улице, по тротуару, освещенному газовыми фонарями, вдоль аллеи высоких деревьев. Впереди светился огнями старинный белый особняк, построенный в мавританском стиле. Во дворе и на улице было много автомобилей и карет. Все говорило о том, что здесь собрались знатные люди столицы, интересующиеся искусством. Поэт Лорка был для многих знатоков поэзии загадкой, и почти всей богеме Мадрида хотелось познакомиться с этим новым явлением в литературе современной Испании. Пробриться в дом было очень трудно, автомобили и экипажи все подъезжали и подъезжали.

– Сальвадор, пойдем быстрее, а то не попадем на вечер.

Дали был в душе возмущен: «Кто такой этот Лорка? И почему к нему такое внимание? Так должны были встречать здесь меня!» Но любопытство взяло верх над личными амбициями и он вошел в дом.

В большом зале яблоку негде было упасть, народ в нетерпении ждал появления нового кумира. И вот в углу помещения возникло какое-то оживление, все бросились в ту сторону.

– Это он! – повторяли все вокруг.

И действительно, взору публики предстал молодой человек лет двадцати пяти с правильными чертами лица, большими голубыми ясными глазами, в которых утопали все взгляды. Эти глаза излучали столько живительной энергии, что от них было невозможно оторвать взгляд. Черные кучерявые волосы обрамляли красивое светлое матовое лицо. Он был среднего роста, строен и привлекателен. Все присутствующие женщины буквально пожирала глазами этого молодого поэта, о котором говорил Мадрид и вся Испания. И чем больше они смотрели на Лорку, тем сильнее им хотелось прижаться к нему, обнять и не отпускать уже никогда. Так манила их исходящая от него магическая сила наравне с силой его проникновенных стихов. Мужчины не менее восторженно приветствовали поэта. В их глазах он был своим малым, который держался просто и был открыт для общения, без грамма снобизма и самовлюбленности.

После первого знакомства публика стала просить Лорку прочитать стихи. Кто-то принес стул, и поэт поднялся на него. Завороженные взгляды устремились на Лорку. И его голос зазвучал:

В глубинах зеленого неба

зеленой звезды мерцанье.

Как быть, чтоб любовь не погибла?

И что с нею станет?

С холодным туманом
высокие башни слиты.
Как нам друг друга увидеть?
Окно закрыто.

Сто звезд зеленых
плывут над зеленым небом,
не видя сто белых башен,
покрытых снегом.

И чтобы моя тревога
казалась живой и страстной,
я должен ее украсить
улыбкой красной.

Дали не поддался обаянию кумира публики и, в отличие от всех, с презрением смотрел на молодого поэта. «Подумаешь, поэт. Сколько их было, есть и будет, мода пройдет, и все тебя забудут. Миру нужны более величественные фигуры, такие как Наполеон, которые останутся на века благодаря своей особой избранности». Но когда поэт начал читать, все критические мысли Сальвадора рассеялись при первых же строках.

В глубинах зеленого неба
зеленой звезды мерцанье.
Как это необычно. Чем-то стихи Лорки напомнили его восприятие мира.
Сто звезд зеленых
плывут над зеленым небом,
не видя сто белых башен,
покрытых снегом.

«Как зеленые звезды могут плыть над зеленым небом, не видя сто белых башен, покрытых снегом?! Как он прекрасно выразил свое видение этого мира!» – уже через мгновение восхищался Сальвадор. Мало кто понимал его живопись, а тут несколько строк так ясно показали, что этот молодой поэт видит мир таким же, как и он.

И чтобы моя тревога
казалась живой и страстной,
я должен ее украсить
улыбкой красной.

Едва поэт закончил читать, как зал взорвался оглушительными аплодисментами. Публика была заморожена стихами и молодым поэтом, гений и магнетизм которого покорили сердца и души присутствующих.

– Как тебе этот поэт? – сквозь шум услышал Дали восторженный голос Луиса.

В зале все аплодировали, кричали, старались поближе подойти к Лорке и пожать ему руку. Женщины не сводили глаз с молодого красавца, который пробуждал в них затаенные желания.

– Послушай, Луис, познакомь меня с ним! – вдруг резко сказал Дали.

– Тебя? Познакомить с Лоркой? – Бунюэль был крайне удивлен тем, что его немного странноватый друг захотел познакомиться с поэтом. – Ладно! Но это будет трудно сделать.

Они протиснулись сквозь толпу к поэту.

– Извините! – начал Луис. – Разрешите, пожалуйста, познакомить вас с моим другом-художником! – он запинался, робея в присутствии такой легендарной личности.

Но тут Дали отодвинул Луиса в сторону:

– Разрешите представиться: Сальвадор Дали, величайший художник современности! – и он бесцеремонно протянул поэту руку.

Бунюэль покраснел и с опаской смотрел, как Лорка отреагирует на такую наглость.

– Ну что же, рад знакомству с гениальным человеком! Художники – это те же поэты, которые умеют выразить слова в красках, – ответил Лорка.

– Хорошо сказал! – Дали сразу перешел на «ты». – Если у тебя будет время, давай об этом потолкуем, мне понравились твои стихи.

Луис, пораженный такой фамильярностью своего друга, не знал, что и делать.

– Хорошо, Сальвадор! Ты где учишься?

– В университете на факультете живописи.

– Я заеду как-нибудь! До свидания, Сальвадор!

Толпа стала оттеснять Дали и его друга от поэта.

– До свидания, друг! – крикнул Дали.

Толпа совсем отодвинула молодых людей в сторону.

– Пойдем отсюда, Луис! – сказал Дали. – Здесь делать уже нечего.

По дороге Бунюэль долго ругал друга:

– Ну разве так можно общаться с великими людьми?

– А что, разве я не такой же великий, как он? – возмутился молодой художник.

Луис хотел рассмеяться, но, посмотрев на друга, решил, что лучше этого не делать. Дома Сальвадор долго не мог заснуть, находясь во власти стихов Лорки.

В глубинах зеленого неба

зеленой звезды мерцанье.

Глава 6

Сестра Дали стала первой моделью для его необычных полотен, однако уловить смысл произведений молодого художника для многих зевак представлялось неразрешимой задачей. Новый стиль живописи был на слуху, но, как всякое новое направление, часто подвергался отторжению и невосприятию. Сюрреализм Дали далеко выходил за рамки обычного восприятия, но ничего в картинах гения не писалось просто так.

Покоренный стихами Лорки Дали впитывал смысл каждого слова. Ощущая родственную душу, он раскрывал тайны поэта, его сокровенные мечты и страхи, от которых он пытался избавиться. Дали знал, что он тоже пришел в этот мир не просто так: «Моя жизнь – это миссия, с которой послал меня Бог на эту землю, и что могут эти обычные смертные судить о моих картинах, оценивать все те тайны, в которые посвятили меня высшие силы». И вновь читая стихи Лорки, художник чувствовал мистическую силу, которая должна была связать их.

Проходили дни, а Лорка не появлялся. И Дали перестал ждать. Каждый день он много рисовал у себя в комнате. Однажды он попытался нарисовать один эскиз, но работа не пошла, а мысли разбегались в его голове, как тараканы. Стук в дверь переполнил чашу его терпения. Он отбросил кисточку в сторону и с негодованием метнулся к двери.

– А, черт, опять кого-то носит! Не дают собраться с мыслями! – Дали открыл дверь, готовый обрушить весь свой гнев на нарушителя спокойствия.

– Здравствуй, художник! – в дверях стоял веселый поэт. – Ты вроде как меня приглашал?

– Гарсиа?! Не может быть! – вот этого Сальвадор точно не ожидал. Он заташил поэта в комнату и обнял его. – Как я рад видеть тебя, дружище!

Их было не остановить, они разговаривали друг с другом так, как будто были лучшими друзьями с самого детства. Сальвадор показал свои картины.

– Дааа! – протянул Лорка. – В них есть что-то манящее и в то же время ускользящее! Слушай, не знаю почему, но они мне очень близки.

Все свободное время они проводили вместе и стали близкими друзьями. Они оценивали поэзию и обсуждали великих писателей и художников, говорили о Франции и осуждали Германию за то, что она часто вторгалась на территорию Франции, и за это оба ненавидели немцев. Сальвадор как-то попросил Гарсию стать моделью для его новой работы, и они начали часто ездить к морю, где так любил писать Дали.

– Почему ты рисуешь такие странные картины? Тебя что-то беспокоит? – спросил однажды Лорка.

– Нет, мой друг. Я не хочу насиловать ту форму, которую я вижу своим ощущением и переживанием, а ползать перед моделью и повторять все ее очертания, лишь бы это сочеталось с общепризнанными стандартами, – это не мое. В мою душу вползают свои образы тех вещей, которые я ощущаю своим каким-то шестым чувством.

Скоро Мадрид наскучил Дали.

– Что еще могут дать эти профессора?! Я устал от них! Они забивают мою бедную голову своими бредовыми идеями. Ты представляешь, они учат меня, как надо рисовать! Слушай, Гарсиа, а поехали ко мне домой, в мою любимую Каталонию?

И друзья, бросив все, ринулись навстречу новым приключениям.

Глава 7

Пыльная повозка со скрипом подъехала к дому отца Дали. На шум приближающегося экипажа из дома выбежал старший Дали.

– А, сынок, ты приехал! Как я рад тебя видеть! – отец обнял Сальвадора.

– Вот, папа, мой друг, он приехал к нам погостить! А вообще, это великий поэт Гарсиа Лорка!

– Не может быть! Это Вы?! Я много слышал о Вас и читал Ваши стихи! Пожалуйста, проходите! Будьте как дома!

Не успел он договорить, как из дома с радостным воплем выскочила сестра Сальвадора.

– О, братец, как я рада тебя видеть! – она взглянула на друга брата, и румянец залил ее щеки. Бездна голубых глаз поэта плела свою магию. – Здравствуйте, сеньор! – потупив взор, поздоровалась она.

– Ну что, папа и мои дорогие домочадцы, к вам вернулся великий и ужасный сын, чтобы покорять мир! Представляю вам своего друга – величайшего поэта и страшного любителя живописи! – Сальвадор обнял друга, и они вместе поклонились хозяевам дома.

Для Сальвадора и Гарсиа это было самое беззаботное и счастливое время. Великий Наполеон встретил достойного себя человека в лице Александра Первого, который сверг его с трона. Но еще не вечер, и Наполеон нанесет свой ответный удар, дурачились они.

Сестра Сальвадора Анна-Мария без ума влюбилась в Лорку. Плененная его красотой и энергетикой, она подолгу сидела на балконе и любовалась Гарсией, не понимая, почему он не обращает на нее внимания. Пробыв несколько дней в доме отца, рано утром Сальвадор разбудил Лорку.

– Слушай, поехали на пару недель в Кадакес! Я там немного поработаю. – Дали больше всего любил писать картины там, где море было на заднем плане. – Только море имеет свои очертания, его не надо загонять в какие-то формы и издеваться над предметами, делая их обычными вещами. Мир всегда движется, и все меняется, и я хочу писать все так, как я чувствую. А море – это свободная стихия, которую не загонишь ни в одни рамки.

Друзья поселились в небольшом рыбацком поселке. Лорка на фоне моря позировал Дали. Поэт то лежал с закрытыми глазами на песке, потеряв свою панаму, то сидел помногу часов в одной позе, глядя в голубую даль моря. А иногда вместо рисования друзья беззаботно дурачились: Дали вскакивал другу на спину, и они неслись по песчаному берегу моря. Подбегали к кучке рыбаков, чинящих снасти у лодки, и Сальвадор, подняв руку, в которой была кисть, кричал: «Здравствуйте, друзья! Это я, Дон Кихот, вернулся к вам, чтобы принести вам свободу! Где те негодники, которые мешают вам жить?»

Рыбаки в изумлении смотрели на двух чудаков, сначала на самозванца в роли Дон Кихота, потом на симпатичного парня, бьющего в нетерпении копытом по песку, потом смущенно показывали на какой-то дом и опять принимались за свою работу. Лорка, как умный конь, мчался вперед, без слов понимая своего хозяина.

– Кто это? – спрашивал кто-нибудь из рыбаков.

– Да кто его знает, чудаки какие-то.

– Нет, – возражал третий, – это художники. Все они немного с чужинкой. Богема! Вот поработали бы с наше – вся дурь и прошла бы.

А Дали уносился вдаль на своем коне по пустынному пляжу в поисках очередных врагов человечества, пока скакун Лорка не падал в изнеможении и оба – поэт и художник – не начинали валяться на песке, судорожно смеясь над очередной забавной выходкой.

Когда в Кадакесе Дали писал Лорку на фоне моря, ему льстило, что такой красавец, любимец богемы, покоритель женских сердец был рядом и позировал, как простой натурщик,

именно ему. «Я великий, – думал Дали, – и смог добиться признания того, кого не смогло покори́ть все это общество со всем своим богатством, развратом, красотой и опытом». Он смотрел на друга и восхищался его чертами. Дали любил его всей душой, заряжаясь той энергией, которой ему так не хватало. Сальвадор не подпускал к своей душе никого, да и кто мог понять этого странного молодого человека с завышенным самомнением и с диким одиночеством в глазах. Женщины часто бросали взгляды на Дали, но он оставался холоден к ним, какая-то темная стена отгораживала его от представительниц прекрасного пола. Ночью Сальвадору часто являлись эротические сны. Они пробуждали в нем плоть, ему снилось что-то воздушное и непонятное. Теплые поцелуи, легкое касание губ, нежные глаза притягивали его к себе, и какое-то неведомое чувство пробуждалось в молодом человеке. Дали никак не мог понять, что с ним происходит. Когда наступал новый день, он вновь садился за холст и продолжал писать прекрасный облик своего друга. А иногда Дали и Лорка прогуливались по вечерам вдоль берега моря, вместе созерцали тепло-оранжевый закат уходящего за горизонт солнца, насыщая свои души новыми ощущениями, столь необходимыми для творческих гениев.

Две недели в маленьком рыбацком поселке Кадакес пролетели как один день. Пришло время возвращаться домой. Отец Дали, очарованный обаянием Лорки, устроил пышный праздник в честь поэта. Все веселились, пели песни, вино лилось рекой. Один только виновник торжества оставался грустным, прощаясь с самыми беззаботными и прекрасными днями в его жизни.

По возвращении в Мадрид друзья продолжали много общаться, обсуждая проблемы современной поэзии и живописи. Казалось, все было по-прежнему, но что-то неуловимое изменилось, что-то дало едва заметную трещинку. Дали впервые охватили сильные творческие муки, новые идеи больше не возникали, даже не маячили на горизонте, а все, что он написал до этого, ему теперь не нравилось. И он впал в глубокую депрессию. Лорка пытался как-то помочь ему, но это только сильнее затягивало Сальвадора в омут безысходности и творческого застоя. Начались недопонимания, которые переросли в ссоры. И Дали вдруг открыл для себя, что, если сейчас он не бросит все, он зайдет в тупик и навсегда останется в этом психологическом болоте.

Рано утром, когда Дали садился в поезд, какое-то неприятное чувство разбудило Лорку, темные ощущения вползали внутрь, как склизкие змеи. Он попытался заснуть, но стук в дверь окончательно разбудил его. На пороге стоял сосед Дали с письмом в руках.

– Это тебе!

– Мне? – внутри Лорки что-то оборвалось и обожгло предчувствием невосполнимой утраты. Он открыл письмо.

«Мой друг! Я очень тебя люблю, ты подарил мне много прекрасных моментов в жизни, зажег во мне новые творческие идеи. Ты питал меня своей энергией, которая выливалась в мои картины. Ты был соавтором многих моих произведений. Я благодарю тебя».

И Лорка понял, что это был конец их дружбы и начало его жуткого одиночества, которое ему уже вряд ли удастся изгнать. Ему, Лорке, придется одному брести по этой огромной пустыне под названием «Земля», и уже никогда не будет рядом того близкого его сердцу человека, который мог успокоить его душевную боль и мучительные страдания.

Одного только не мог понять поэт: почему все это закончилось? Он винил только себя. Через месяц Лорка покинул Испанию.

Глава 8

Когда Дали сошел с поезда в Париже, он первым делом отправился на Монмартр и отыскал дом величайшего художника Пабло Пикассо. Перед фигурой этого титана в мире живописи трепетали все, но только не Дали. Он позвонил в дверь, которая через некоторое время распахнулась.

– Добрый день! Вы Пикассо?

На пороге дома стоял мужчина средних лет с чисто выбритой головой.

– Да! А что Вы хотели, молодой человек?

– О, извините, забыл представиться: Сальвадор! Сальвадор Дали! Я из Испании и тоже художник! Думаю, Вы обо мне уже слышали?

– Нет, мне Ваше имя ровным счетом ни о чем не говорит!

– Но это пока не слышали... – Дали равнодушно усмехнулся. – Запомните этот день!

– Зачем? – поинтересовался хозяин дома.

– Этот день останется в истории. И Вы будете рассказывать всем об этой встрече!

– Почему? – удивился родоначальник кубизма.

– Сегодня Вы познакомились с великим художником Дали! – и молодой человек бесцеремонно прошел в дом Пикассо.

Такая беспардонная наглость озадачила мэтра, но в то же время вызвала в нем любопытство: «Кто же этот самонадеянный наглец с таким завышенным самомнением и своеобразной внешностью?!» Глаза Дали горели, внутри он сильно переживал, станет ли знаменитый художник вообще разговаривать с ним, и решил быстро напялить свою любимую маску. Сальвадор ходил по зале и рассматривал творения великого художника.

– О, как много у Вас картин! – он с завистью оценивал их, понимая, что таких вершин в творчестве достигнет не скоро.

– А что Вы, молодой человек, можете показать?

Дали оторвался от созерцания картин.

– Я? У меня много творений! – Сальвадор опять надел маску величия, хотя в этот момент он искренне верил в свою избранность. – Но все они остались в Барселоне, на моей персональной выставке! Хотя подождите, у меня с собой есть несколько эскизов будущих работ, – и он протянул Пикассо несколько своих набросков. – Что Вы о них думаете?

Хозяин дома небрежно взял рисунки молодого испанца и взглянул на них. Представить сейчас, что всего секундой ранее на лице Пикассо читались неприязнь и раздражение, было невозможно. На эскизах великий мэтр разглядел затаенную боль и страхи, переживания и трагедию жизни, замаскированную в отдельных деталях рисунков. Но больше всего Пикассо задела глубина восприятия окружающего мира, которая была так ловко выражена через призму абсолютно нового. Родоначальник авангардизма прекрасно понял, что хотел передать этот молодой художник.

– Вас, кажется, Сальвадор зовут? – на этот раз в голосе Пикассо звучали нотки почтительности. – Извините, у меня плохая память на имена! Вы не могли бы познакомить меня со своими работами, мне было бы крайне интересно.

– Да без проблем, если Вы сможете мне организовать персональную выставку в Париже, там и могли бы увидеть мои лучшие произведения.

Пикассо чуть не сел от такой безграничной наглости молодого испанца, но, бросив пристальный взгляд, он понял состояние Дали и громко расхохотался.

– Хорошо, молодой человек! А почему бы и нет?! Давайте попробуем!

Так они познакомились, став друзьями и соперниками одновременно. Пикассо сразу понял, что Дали – необычный художник, такие неординарные и эксцентричные личности, как юный испанец, ему еще не встречались.

Вскоре в Париже открылась выставка Дали. Поначалу она не привлекла к себе особого внимания, но, когда в журнале «Пари Матч» вышла рецензия признанного гения нового стиля живописи Пикассо, в которой он выразил свое мнение о картинах молодого испанца, публика просто повалила на выставку картин восходящей звезды Испании. Так состоялось первое признание Дали.

Скоро Сальвадора Дали знал уже весь Париж. Каждый причислявший себя к высшему обществу старался посетить выставку, и Пабло Пикассо не оставалось ничего другого, как продлевать ее уже в который раз. Но, несмотря на первый успех, Сальвадор часто скучал по Гарсии, которого он так коварно бросил. Тогда сердце художника подсказало ему, что нужно идти своим путем, не попадая под влияние других людей. А неистощимый магнетизм Лорки и его непревзойденное обаяние затягивали Дали в глубокую бездонную пропасть, из которой невозможно было вырваться. И Сальвадор решил резко разорвать все отношения и остаться свободным, чтобы творить свои непонятные и загадочные произведения.

Здесь, в Париже, он заводил дружбу не только с художниками, но и с поэтами, к которым относился с большой теплотой, возникшей от воспоминаний прекрасных моментов дружбы с Лоркой. На очередной вечеринке парижской богемы случай свел художника с одним таким поэтом. Дали читал стихотворение своего друга в небольшом кругу.

– О, я знаю эти строки! – возглас одного из слушателей прервал чтение Сальвадора. – Это мой любимый великий испанский поэт Лорка.

Сальвадору польстило, что его друга так высоко ценят в Париже.

– Да, Вы правы, это действительно Лорка, – и он продолжил было читать, как незнакомец подхватил и закончил стихотворение. – Что же, похвально! Вы прекрасно знаете творчество моего друга!

– Вы знакомы с Лоркой?

И начавшийся разговор быстро перерос в оживленную беседу. Незнакомец оказался поэтом, у него была маленькая дочурка и жена. Они много говорили о поэзии, а когда перешли к живописи, поэт стал захлеб пересказывать Сальвадору свои впечатления от посещения выставки картин Дали.

– Вы смотрели картины этого сумасшедшего Дали? – воскликнул Сальвадор.

– Что Вы, это потрясающие произведения, в них столько таинственности и загадок! – восхищался поэт. – Я долго стоял напротив каждой картины, пытаюсь понять, что хотел сказать всем нам художник.

– И что же Вы там нашли? – лукаво поинтересовался Сальвадор.

– Я до сих пор не могу отойти от их воздействия, они заставляют думать, гадать, рассуждать, и все-таки я до конца не понял смысла всех этих картин, потому и хожу неудовлетворенный. Вы же знаете, как люди любят тайны и стремятся познать загадки, особенно те, что недоступны всем.

– Как Вас зовут? – поинтересовался Дали.

– Поль Элюар! – представился поэт.

– Очень рад знакомству! Сальвадор Дали.

Глава 9

– А знаете что, Поль, приезжайте ко мне в гости! – неожиданно предложил Дали своему новому другу, когда они встретились на очередной вечеринке. – Я Вам покажу настоящую Каталонию, страну гор, пляжей и моря.

– Но у меня семья и я не могу оставить их одних, – вздохнул Элюар.

– Ну что же, приезжайте с семьей! Места хватит всем! Посмотрите, где творятся мировые шедевры!

– Хорошо, – согласился Поль, – но немного позже, у меня пока много дел. Я обещаю обязательно посетить Ваш чудный уголок Испании.

И Дали уехал в родительский дом, а через несколько месяцев к нему в гости приехал его французский друг со своей женой и трехлетней дочкой. Дали радостно выбежал навстречу выходящему из кареты Полю, и они тепло обнялись.

– Пошли в дом, мой друг!

– Подожди, Сальвадор, я не один. Разреши представить тебе мою супругу!

Из кареты с маленькой девочкой вышла женщина лет тридцати пяти, невероятно ухоженная и одетая по последнему слову моды. Она обладала стройной фигурой, осиной талией и небольшой грудью, однако назвать ее красавицей было трудно: длинный нос и близко посаженные глаза не произвели бы впечатления на избалованного ценителя женской красоты. Впрочем, появление этой эффектной дамы повергло Дали в такой глубокий шок, что он едва пришел в себя, услышав слова Поля, которые раздались как во сне:

– Это моя жена Гала, она из России!

«Не может быть, – подумал Дали, – где-то я ее видел, но вот где?!»

– Рад нашему знакомству! – протянул Сальвадор. – Проходите, пожалуйста, в дом! – и Дали галантно проводил своих гостей в их комнату.

Он долго ломал голову, где же мог видеть эту женщину, и вдруг его осенило. В детстве Сальвадору подарили калейдоскоп с рисунком тройки, несущейся по заснеженным русским просторам. В упряжке сидела девушка с темными глазами и смотрела вперед, спасаясь от стаи диких волков. Эти глаза он запомнил на всю жизнь и почему-то все время мечтал именно о них. А вот теперь они явились перед ним. Однако Дали не любил женщин или просто боялся, поэтому и старался сделать все, чтобы произвести на них самое дурное впечатление.

Сальвадор вместе с Полем и его семьей наслаждался атмосферой Испании, гуляя по улицам родного для Дали города, они иногда ездили к морю и часами слонялись по пустынному пляжу. Поль с дочкой бежали к воде и начинали брызгаться и играть, оставляя Дали и Галу вдвоем. Дали становилось неловко наедине с русской дамой, и он спешил натянуть маску самолюбленного эгоиста.

– Как Вам мои картины? Потрясающие, не правда ли?

– Картины как картины, я не нахожу в них ничего особенного, – равнодушно бросила женщина.

– О, как мне Вас жаль, Вы ничего не понимаете в живописи, хотя Ваш муж и поэт, но Бог обделил Вас тонкостью восприятия мира. Но Вы не расстраивайтесь, все женщины одинаковые. Им не понять художников высокого полета, им подавай портреты, на которых они будут сиять своими накрашенными румянами и изображать из себя неповторимую Мону Лизу, – от страха Дали постарался как можно ядовитее укунить Галу. – А вообще, как Вы меня оцениваете?

Она презрительно окинула его взглядом.

– Я Вам нравлюсь? Не правда ли, я бесподобен?

Гала вновь окинула его своим холодным взглядом и ничего не ответила.

– Я понял, Вы поражены моей красотой и моим гением!

Женщина шла молча. Она смотрела на Дали, который все сильнее вживался в свою роль.
– Да Вы, мадам, никак влюбились в меня, а?!

Женщина хранила молчание.

«Ну что я еще должен сделать, чтобы она упала на колени и призналась мне в любви?» – самонадеянно думал художник.

Где-то вдали у моря его друг весело бегал со своей дочкой. Сальвадор не выдержал:

– Ну скажите, что бы Вы со мной сделали, если бы я разрешил Вам все?

Дали хотел поиздеваться над женой друга, но она не поддавалась на провокации. «Влюбилась, наверное, в меня, потому и молчит! – подумал Сальвадор. – Все женщины одинаковые». Но тут Гала остановилась.

– Если бы у меня была возможность, я бы просто Вас убила, – спокойным мягким голосом ответила Гала.

От такого ответа ошарашенный Дали остановился как вкопанный, а дама как ни в чем не бывало продолжала идти вперед. Эта женщина потрясла его до глубины души. «Нет, она просто необыкновенная!» – восхитился художник.

Вскоре Поль с семьей уехал в Париж. Какая-то перемена произошла в душе Дали, суть которой он не мог постигнуть. Не выдержав и двух месяцев, художник помчался во Францию искать новой встречи с той роковой женщиной, которая обещала его убить. «Как она это сказала! – мечтательно вспоминал Дали. – Я бы Вас убила!» И Сальвадор представлял, как эта стройная женщина берет своими холеными, изящными руками, словно выточенными из мрамора древнегреческими скульпторами, его за горло и медленно, спокойно душит. От одного этого ощущения возбуждение дрожью разнеслось по всему телу Дали. «Ах, как я хочу, чтобы она прикоснулась своими руками ко мне и сжимала мне горло! Мне становится трудно дышать, глаза заплывают кровью, а она спокойно смотрит на меня и позволяет умереть великому дарованию. Весь мир смотрит с замиранием сердца, что будет дальше! Гала сжимает пальцы сильнее и спокойным голосом говорит: «Я убью тебя!»

Сколько раз он проигрывал эту придуманную им сцену и все время оставался в живых, правда каждый раз получая необыкновенное наслаждение от пережитой иллюзии смерти. В Париже Дали часто стал навещать семью поэта и неизменно наткнулся на холодный взгляд Галы, который красноречиво говорил: «Я тебя убью!» Такие походы в гости к другу становились все более частыми, и однажды, когда Поля не было дома, Сальвадор опустился на колени перед дамой и тихо попросил: «Выходи за меня замуж!» Женщина, окинув самовлюбленного художника хладнокровным взглядом, процедила сквозь зубы: «Я убью тебя за это!» И они кинулись друг другу в объятия. А утром, после разговора с мужем, Гала отправилась с Сальвадором в его родной дом в Каталонии. Поведение жены потрясло Поля. Она была непреклонна и вверяла ему дочь, к тому же обещала оставаться навсегда его другом, в противном случае он рисковал оказаться в полном одиночестве.

Глава 10

Гала родилась в российском городе Казань. Ее настоящим именем было Елена – Елена Ивановна Дьякова. Ее мать была творческой личностью и постоянно искала применение своему таланту. В Казани ей наскучило, и она развелась с мужем и перебралась в Москву. В самом большом городе России она развернула кипучую деятельность, выпуская журналы и книги для детей. Мать жила богемной жизнью, а воспитанием ребенка занимался отчим, который очень любил свою приемную дочь. Лена росла в Москве и часто любила рассматривать журналы мод, где ее кумиром стал образ французской модницы Коко. Девочка гуляла по улицам Москвы и понимала, что этот город не для нее, слишком старомодным и отсталым казался он для возвышенной души юной Аленки. Она мечтала всегда одеваться по последнему писку моды, следить за собой в шикарном салоне и будоражить внимание окружающих. А разве можно было развернуться в Москве, в этом хоть и большом, но провинциальном и отсталом от передовых столиц Европы городе?! Но пришла беда. Девочка стала часто как-то странно глубоко кашлять, а однажды, проснувшись утром, обнаружила кровь на подушке. Вызванный врач диагностировал, что у подростка чахотка, или, проще говоря, туберкулез. Жизнь в Москве с такой болезнью вела к неминуемой смерти. Мать была вся в заботах и не придавала особого значения заболеванию, а вот отчим страшно расстроился и решил отправить любимую Леночку в специальную клинику в Швейцарии, где передовые методы лечения и чистый горный воздух сотворили чудо. Елена избавилась от смертельной болезни после нескольких лет лечения.

В один из летних вечеров в Швейцарии она познакомилась с французским поэтом Полем Элюаром и быстро его покорила. Он пал к ее ногам с большим букетом цветов. Возвращаться на родину Елене не хотелось, да к тому же в России начались смутные времена. Она возвышалась над Полем, стоявшим перед ней на коленях и просившим ее руки: «О, Поль, это так неожиданно! Я даже не знаю, что ответить». Но для себя она уже решила, что Париж – ее заветная мечта и она должна непременно сбыться. Еще несколько месяцев русская девушка изводила поэта, пока в один из прекрасных вечеров не снизошла до принятия решения. Ее согласие прозвучало настолько снисходительно, что оно было воспринято Полем как самый большой и ценный подарок в его жизни. И теперь он благоволил своей будущей жене и был на седьмом небе от счастья.

Покорять Париж Елена решила с именем Гала, в честь древнего названия Франции – Галлия. Прежнее русское имя ее прилично раздражало. Мечта русской девочки начинала сбываться. Она старалась быть лучшей в этой признанной культурной столице мира. Мечтала о всемирной славе, богатстве и роскоши, о том, как стать самой красивой и желанной, но вскоре поняла, что Поль не может дать ей всего этого. И когда она увидела Сальвадора Дали, то ощутила силу таланта этого молодого испанца. Она увидела все его слабости, страхи и переживания. Перед ней стоял не самовлюбленный статный молодой человек, а беспомощный маленький мальчик в треуголке и с игрушечной саблей в руке, возмнивший себя Наполеоном. Именно в этот момент Гала поняла, как из этого маленького Наполеончика вырастить величайшего полководца, который вскоре покорит весь мир и принесет ей славу, богатство и власть.

Глава 11

Победоносное наступление на мир началось сразу же после их приезда в дом отца Сальвадора. Первым делом Гала решительно взялась за уборку хлама и мусора из головы гениального художника. У Сальвадора осталось очень много теплых воспоминаний о Лорке. И вскоре картины, которым позировал известный поэт и конкурент Галы, оказались на задворках творчества художника, а из памяти аккуратно, но систематически вытеснились все воспоминания о друге и тех временах, когда они были вместе.

Со временем предприимчивая дама, которая была на одиннадцать лет старше Дали и в вопросах любви имела большой опыт, обратила внимание на то, что ее новый возлюбленный избегает интимной близости. Поразмыслив немного, Гала решила не спешить ложиться с ним в постель. Пока она еще не понимала, чего боялся Дали, но ее чутье обязательно подскажет, как решить этот сложный ребус. «Может быть, у Сальвадора был негативный опыт с женщинами и теперь он боится опозориться перед ней? – мудрая женщина догадалась, что интимная связь может стать опасной миной, которая при малейшей оплошности рванет так, что разнесет на маленькие осколки все ее мечты. – Нет, нет, я пойду другим путем!»

Гала утром вбегала в комнату художника:

– Ну что, мой гений, сегодня некогда нежиться! Нам надо спешить!

Она стягивала с него одеяло и обливала холодной водой. Сальвадор кричал как сумасшедший:

– Помогите! Убивают! – и, пытаясь отнять одеяло, мчался за Галой.

Она стремительно неслась в другую сторону, и вот великий художник загнал в угол хищницу, покусившуюся на одеяло. Еще миг – и с ней будет покончено, а одеяло торжественно перейдет в его руки. Но Гала уклонилась от охотника и ускользнула из западни. Дали дико вскрикнул: «Ах ты! Я сейчас тебя поймаю!» – и устремился за дамой, подтягивая на ходу свои широкие пижамные штаны. Казалось, еще немного и хищница будет повержена славным охотником, но добыча опять ускользала и одеяло вылетало в окно.

– Что ты наделала? Ах ты несчастная! – вскрикивал Дали, театрально хватаясь за сердце. И в этот момент он набрасывался на Галу, обнимая и целуя ее. Ну что, мой хищник, попалась?! – и они весело смеялись над своей забавной охотой.

– О, мой повелитель, сегодня тебе нужно одеться как можно лучше. Мы отправляемся в Париж!

– В Париж?! Я, конечно, люблю этот город, но что нам там делать?

– Мой повелитель, король ждет Вас в Париже! – и они опять весело засмеялись.

После завтрака пара отправилась в столицу Франции.

– А правда, что мы будем делать в Париже? – художник был заинтригован.

– Как что?! Нас ждет король!

– Послушай, моя дорогая, во Франции уже много лет нет короля.

– О, мой обожаемый Сальвадор, мы идем к королям бизнеса, будем предлагать им свои картины.

– Мои картины? – Дали замер. – Мы будем их продавать?

– Нет, ни в коем случае! Мой повелитель, мы будем их милостиво уступать за небольшую сумму.

– Ты хочешь продать мои картины? – Дали погрузился.

– Мой повелитель, мы не продадим твои картины, мы сделаем их бессмертными! Поверь, милый Сальвадор, – и она нежно обняла растерявшегося художника.

В Париже они поселились у друзей на окраине города и вскоре совершили несколько визитов в дома богатых парижан. Гала решительно входила в кабинеты воротил бизнеса и безапелляционно заявляла:

– Господин Женау! Перед Вами самый известный художник мира, его произведения являются национальным достоянием Испании.

В этот момент Дали изображал могучего покровителя ценностей испанского королевства, подперев тело руками и направив целеустремленный взгляд в один из углов комнаты. Его небольшие усы так же стремительно поднимались вверх, а глаза округлялись, придавая художнику необычайный колорит и подчеркивая, что это не кто иной, как сам Сальвадор Дали, которого в Париже кроме богемы особо еще никто не знал. Но яркая внешность Дали, его напыщенный вид и, главное, усы производили на богачей неизгладимое впечатление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.